

АНДРЕА КАМИЛЛЕРИ

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Перевод М. Челинцевой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Он приоткрыл глаза и тут же зажмурился. Уже давно с ним такое происходит: не хочется просыпаться, но не потому, что надо досмотреть что-то приятное — приятное снится все реже. А чтобы подольше оставаться в темном, глубоком и теплом колодце сна, на самом дне, где никто не сможет его отыскать.

Но он знал: сон уже ушел. И тогда, не открывая глаз, стал слушать шум моря.

В то утро море слегка шелестело, подобно листве, в мерном ритме, говорящем о спокойствии прилива. День обещал быть погожим и безветренным.

Комиссар открыл глаза и посмотрел на часы. Семь утра. Приподнялся — и вспомнил, что видел сон, от которого в голове остались лишь разрозненные путаные картинки. Прекрасный предлог, чтобы еще немного потянуть с подъемом. Снова лег и прикрыл глаза, пытаясь восстановить последовательность рассыпавшихся кадров.

Рядом с ним по просторной, поросшей травой пустоши идет женщина; он понимает, что это Ливия, но это не она, хотя и с лицом Ливии: тело

чересчур пышное, с необъятными бедрами, так что она с трудом передвигает ноги.

Он и сам ощущает усталость, будто после долгой прогулки, хоть и не помнит, сколько они уже в пути.

Он решается спросить:

— Далеко еще?

— Уже устал? Даже ребенок не устал бы так быстро! Мы почти пришли.

Голос не такой, как у Ливии: грубый и слишком резкий.

Еще шагов сто, и они оказываются перед распахнутыми коваными воротами. За воротами все та же травянистая пустошь.

Откуда и зачем здесь ворота, если, куда хватает глаз, не видно ни дороги, ни дома? Монтальбано хотел было спросить у женщины, но не стал, чтобы не слышать ее голоса.

Ему кажется нелепым проходить через ворота, которые никуда не ведут, и он делает шаг в сторону, чтобы обойти их.

— Нет! — восклицает женщина. — Что ты делаешь? Это запрещено! Господа могут рассердиться!

Резкий голос оглушил его. Какие еще господа?! Но Монтальбано подчиняется.

Едва они оказываются за воротами, пейзаж преображается: вместо пустоши — скаковое поле,

ипподром с дорожками. Но зрителей нет, трибуны пусты.

И тут он замечает: вместо ботинок на нем сапоги со шпорами, костюм как у заправского жокея, под мышкой — хлыст.

Мадонна, да что им от него нужно? Он в жизни не ездил верхом! Может, разок, лет в десять: дядя тогда взял его с собой за город, где...

— Садись на меня, — раздается резкий голос.

Он оборачивается и смотрит на женщину.

Это уже не женщина, а почти что лошадь. Она стоит на четвереньках, но копыта на руках и на ногах не настоящие, а сделаны из кости и надеты наподобие тапочек.

На ней седло и удила.

— Садись верхом, ну же! — снова говорит женщина.

Он садится; та пускается вскачь, бешеным галопом. Тапатам, тапатам, тапатам...

— Стой! Стой!

Но та несется все быстрее. Тут он падает, левая нога застревает в стремях, кобыла ржет, нет, хохочет, хохочет, хохочет... Наконец кобыла со ржанием встает на дыбы, он выпутывается, и она скачет прочь.

Как ни старайся, больше ничего не вспомнить.

Комиссар открыл глаза, встал, подошел к окну, распахнул ставни.

Первое, что он увидел, была лошадь, неподвижно лежавшая на песке, завалившись на бок.

Сперва он зажмурился. Подумал, что все еще видит сон. Потом понял: лошадь на песке — настоящая.

С чего бы ей подышать перед домом комиссара? Наверняка, падая, лошадь издала слабое ржание, и этого хватило, чтобы ему пригрезился сон о женщине-кобыле.

Он высунулся в окно, осмотрелся. Ни души. Рыбак, который каждое утро уплывает на лодке, превратился в черную точку на горизонте. На твердом влажном песке ближе к морю — следы копыт. Откуда идут, не видно.

А лошадь-то явилась издалека.

Комиссар быстро натянул штаны и рубашку, открыл дверь на веранду и вышел на пляж.

Подошел, пригляделся. Внутри все заклокотало: — Подонки!

Животное было залито кровью, череп проломлен железным прутом, по всему телу — следы долгих жестоких побоев. Тут и там зияли глубокие рваные раны. Очевидно, истерзанной лошади удалось вырваться из рук мучителей и она скакала очертя голову, пока не выбилась из сил.

Комиссар был вне себя: казалось, попади ему в руки один из истязателей, того постигла бы та же участь. Он пошел по следу.

Иногда цепочка следов прерывалась и вместо нее на песке виднелись отпечатки колен: бедное обессиленное животное припадало на передние ноги.

Спустя почти три четверти часа он наконец добрался до места истязания.

Песок здесь был истоптан и изрыт, подобно цирковой арене, и испещрен следами ботинок и копыт. Недалеко валялись лопнувшая длинная веревка, на которой держали лошадь, и три железных прута в пятнах засохшей крови. Комиссар попытался сосчитать разные отпечатки ботинок, но это оказалось непростым делом. Он предположил, что в истязании участвовали не более четырех человек. Еще двое стояли в сторонке и, покуривая, наблюдали за происходившим.

Вернувшись домой, комиссар позвонил в участок.

— Алё? Это...

— Катарелла, это Монтальбано.

— Ах, синьор комиссар, это вы! Что стряслось, синьор комиссар?

— На месте Ауджелло?

— Никак нет, еще в отсутствии он.

— Если есть Фацио, соедини меня с ним.

— Сиюмоментно, синьор комиссар.

Прошло меньше минуты.

— Слушаю, комиссар.

— Фацио, срочно приезжай ко мне в Маринеллу и захвати с собой Галло и Галлуццо, если они на месте.

— Что-то случилось?

— Да.

Комиссар оставил входную дверь незапертой и пошел прогуляться вдоль берега моря. Зверское убийство бедного животного всколыхнуло в нем волну глухой ярости. Он снова подошел к лошади. Присел на корточки, чтобы рассмотреть поближе. Ее били даже по брюху — наверное, когда вставала на дыбы. Монтальбано заметил, что одна из подков почти отвалилась. Он лег плашмя и дотянулся до нее рукой. Та держалась на одном гвозде, наполовину выпавшем из копыта. Подъехавшие тем временем Фацио, Галло и Галлуццо вышли на веранду и, увидев комиссара, спустились на пляж. Взглянув на лошадь, они не стали задавать вопросов.

Фацио бросил:

— Живет же такая мразь!

— Галло, сумеешь подогнать машину, а потом проехать вдоль моря? — спросил Монтальбано.

Галло самодовольно ухмыльнулся:

— Плевое дело, комиссар.

— Галлуццо, поезжай с ним. Проследите, откуда идут следы. Место, где избивали лошадь,

найти несложно. Там железные пруты, окурки, может, что еще. Сами разберетесь. Аккуратно все соберите, я хочу, чтобы сняли отпечатки пальцев, взяли образцы ДНК — все, что нужно, чтобы узнать, кто эти мерзавцы.

— А потом что будем делать? Заявим на них в службу защиты животных? — спросил Фацио, садясь в машину.

— Думаешь, за этим ничего не стоит?

— Нет, не думаю. Просто решил состричь.

— По-моему, смешного тут мало. Почему они это сделали?

Лицо Фацио выражало сомнение:

— Возможно, это месть владельцу, комиссар.

— Возможно. И все?

— Нет. Есть еще одна версия, более вероятная. Я слышал...

— Что?

— Что с некоторых пор в Вигате проводят подпольные скачки.

— И ты думаешь, убийство лошади может быть следствием какого-то инцидента на скачках?

— А что еще думать? Нам остается только ждать того, к чему приведет это следствие, а оно наверняка к чему-нибудь приведет.

— Но если нам удастся это предотвратить, будет лучше, не так ли? — сказал Монтальбано.

— Конечно, но это будет нелегко.

— Ну, начнем с того, что, прежде чем убить лошадь, ее должны были похитить.

— Вы шутите, комиссар? Никто не заявит о пропаже коня. Это все равно что прийти к нам со словами: «Я один из устроителей подпольных скачек».

— Что, прибыльное дело?

— По слухам, там ставки на миллионы евро.

— А кто за всем этим стоит?

— Говорят, Микелино Престия.

— Кто это?

— Лет пятьдесят, немного не в себе. До прошлого года служил бухгалтером в строительной фирме.

— Думаю, такое не по зубам чокнутому счетоводу.

— Именно, комиссар. Престия — подставное лицо.

— И кого он прикрывает?

— Неизвестно.

— Постарайся разузнать.

— Постараюсь.

Они вошли в дом. Фацио направился на кухню готовить кофе, а Монтальбано позвонил в мэрию — сообщить о трупe лошади на пляже.

— Лошадь ваша?

— Нет.

- Давайте все проясним, уважаемый синьор.
- А я что, темню?
- Нет, но иногда человек говорит, что мертвое животное ему не принадлежит, чтобы не платить налог за вывоз трупа.
- Говорю вам, лошадь не моя.
- Допустим. Знаете, чья она?
- Нет.
- Допустим. Знаете, отчего она пала?
- Монтальбано решил ничего больше не говорить.
- Не знаю, я увидел труп в окно.
- Так вы не присутствовали при смерти животного?
- Разумеется, нет.
- Допустим, — сказал чиновник. И принялся насвистывать арию из «Лючии ди Ламмермур».
- Погребальная песнь лошади? Городские власти воздают последние почести?
- И? — спросил Монтальбано.
- Я размышлял, — отозвался чиновник.
- О чем тут размышлять?
- В чьем ведении находится вывоз трупа.
- Разве не в вашем?
- В нашем, если это статья 11, а если статья 23, то в ведении провинциальной санитарной службы.

— Слушайте, вы вроде до сих пор мне верили, и я прошу продолжать в том же духе. Либо вы вывозите труп в течение получаса, либо я вам...

— Да кто вы такой, простите?

— Комиссар Монтальбано.

Чиновник резко сменил тон:

— Это, несомненно, статья 11, синьор комиссар.

Монтальбано решил пошутить:

— Так, значит, за вывоз отвечаете вы?

— Однозначно.

— Точно?

Чиновник забеспокоился:

— А почему вы спрашиваете?..

— Не хотелось бы, чтобы местная санитарная служба решила, что вы неправы. Знаете, как бывает... Я за вас переживаю, не хотелось бы...

— Не беспокойтесь, синьор комиссар. Это статья 11. Через полчаса труп увезут, обещаем. Мое почтение.

Они выпили кофе на кухне, дожидаясь возвращения Галло и Галлуццо. Потом комиссар принял душ, побрился, переоделся, сняв испачканные штаны и рубашку, а когда вернулся в столовую, увидел Фацио — тот беседовал на террасе с двумя мужчинами, одетыми как космонавты, только что сошедшие с межпланетного корабля.

На пляже, возле того места, где он обнаружил труп лошади, стоял фургон «Фьорино», задние дверцы закрыты: наверняка уже погрузили.

— Комиссар, можете подойти на минутку? — позвал Фацио.

— Вот он я. Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказал один из «космонавтов».

Второй лишь бросил на него недобрый взгляд.

— Они не нашли труп, — встревоженно сказал Фацио.

— Как это... — поразился Монтальбано. — Он же был тут!

— Мы все осмотрели и ничего не нашли, — сказал тот, что пообщительнее.

— Это что, шутка? Повеселиться решили? — угрожающе спросил второй.

— Никто и не думал шутить, — сказал Фацио, начиная закипать. — И следи за языком.

Второй открыл было рот, чтобы ответить, но передумал.

Монтальбано спустился с веранды и пошел посмотреть на место, где лежала лошадь. Остальные двинулись за ним.

На песке виднелись следы пяти или шести пар ботинок и две параллельные полосы от колес тачки.

«Космонавты» тем временем залезли в фургон и уехали не попрощавшись.

— Ее увезли, пока мы пили кофе, — сказал комиссар. — Погрузили на тачку.

— Около Монтереале, примерно в трех километрах отсюда, с десятков лачуг, где живут мигранты, — сказал Фацио. — Сегодня устроят пирушку, наедятся конины.

В этот момент подъехала служебная машина.

— Мы собрали все, что смогли найти, — сказал Галлуццо.

— А что вы нашли?

— Три прута, кусок веревки, одиннадцать сигаретных окурков разных марок и пустую зажигалку «Бик».

— Давайте так, — сказал Монтальбано. — Ты, Галло, двигай к криминалистам с прутами и зажигалкой. А ты, Галлуццо, бери веревку и окурки и вези к нам в контору. Спасибо за все, увидимся в участке. Мне надо сделать пару звонков.

Галло замялся.

— Что такое?

— О чем просить экспертов?

— Чтобы сняли отпечатки пальцев.

Галло все еще медлил.

— А если спросят, что случилось? Что сказать? Что мы расследуем убийство лошади? Да меня выпрут пинками под зад!

— Скажи: случилась драка, есть пострадавшие, надо опознать нападавших.

Оставшись один, он вернулся в дом, снял ботинки и носки, закатал штанины и снова вышел на пляж.

История с мигрантами, похитившими лошадь, чтобы съесть, представлялась ему неубедительной. Сколько времени они с Фацио оставались на кухне, пока пили кофе и беседовали? Максимум полчаса.

И за эти полчаса мигранты успели приметить лошадь, сбегать за три километра к своим лачугам, раздобыть тачку, вернуться, погрузить тушу и увезти?

Но это невозможно.

Разве только они увидели труп до того, как он открыл окно, а потом, когда вернулись с тачкой, заметили его возле лошади и спрятались неподалеку, выжидая.

Метрах в пятидесяти борозды от колес заворачивали в сторону растрескавшейся цементной площадки — комиссар всегда помнил ее такой, с тех пор как приехал в Маринеллу. С площадки рукой подать до шоссе.

— Минутку, — сказал он себе. — Пораскинем мозгами.

Конечно, мигрантам удобнее везти тачку по шоссе, да и быстрее, чем по песку. Но разве они

стали бы выставляться напоказ всем проезжавшим машинам? А если бы они повстречали полицейских или карабинеров?

Их бы наверняка остановили, и пришлось бы отвечать на кучу вопросов. А то и до репатриации бы дело дошло.

Нет, они не дураки.

Тогда что же?

Есть другое объяснение.

Те, кто украл тушу, не мигранты, а свои ребята.

Зачем они утащили труп? Чтобы его никто не нашел.

Возможно, дело было так: лошади удалось вырваться, и кто-то погнался за ней, чтобы прикончить.

Но ему пришлось остановиться: на берегу были люди — возможно, утренние рыбаки; они могли стать опасными свидетелями. Он возвращается обратно и сообщает шефу. Тот решает, что лошадь надо убрать. И устраивает фокус с тачкой. А он, Монтальбано, вдруг проснулся и спутал ему карты.

Так что похитители туши и убийцы лошади — одни и те же люди.

Да, именно так все и было.

И конечно, на шоссе, за площадкой, стоял фургон, готовый забрать лошадь и тачку.

Нет, мигранты тут ни при чем.